

Источник: Тимофеев Л. Первая книга / Л. Тимофеев // Октябрь. — 1938. — № 12. — С. 244–245.

Первая книга¹

ФОТОГРАФАМ известно то своеобразное ощущение, которое возникает, когда на листе белой бумаги, опущенной в проявитель, мало-помалу проступают очертания снимка; вот только намечился контур лица, вот оно уже ясно очерчено и постепенно вырисовывается со все большей отчетливостью и законченностью.

Сходное чувство испытываешь, когда познакомишься с первой книгой молодого поэта. Прочитываешь первое, второе, третье стихотворение и вот уже начинает оформляться, пока еще лишь смутно и неясно, его творческий облик, выражение его поэтического «лица». Или — наоборот и, к сожалению, чаще — это лицо так и не обнаруживается (как при неудачном снимке) сколько-нибудь ясно, повторяя собой уж примелькавшиеся черты «семейного портрета» наших, так называемых молодых, но уже несколько утомивших читателя поэтов...

У поэта-лирика могут быть удачные стихотворения, каждое из которых в журнале или в сборнике может произвести весьма хорошее впечатление. Но право на книгу он получает лишь тогда, когда его отдельные стихотворения, собранные вместе, образуют собой нечто большее, чем сумму стихотворений, когда они в своем единстве выражают целостный лирический образ поэта.

Задача создания типических характеров стоит перед советским лириком так же, как перед прозаиком и драматургом, с той лишь разницей, что он изображает характеры в их отдельных типических переживаниях, а не путем последовательного и систематического изложения. Поэтому-то ряд лирических стихотворений в своем единстве и должен составить нечто целостное, т. е. лирический образ поэта, опреде-

ленный характер, раскрытый перед читателем в ряде своих проявлений, в ряде конкретных переживаний. Старая острота в том, что лирическое стихотворение, состоящее из одних лишь описаний, подобно блюду, состоящему из одного лишь гарнира, но без жаркого, — вполне применима и сейчас.

Оценка нами книги лирических стихов и определяется тем, в какой мере создан в ней целостный лирический образ, в какой мере этот образ отличается от других «лица необщим выраженьем» и — наконец и главное — тем, в какой мере он типичен, т. е. насколько удалось поэту обобщить и конкретизировать чувства и мысли социалистического человека. В зависимости от этого и решается вопрос — является ли она действительно первой книгой, т. е. говорит о появлении в литературе определенной поэтической индивидуальности.

Итак мы открываем книгу «Северянка». Ее первое стихотворение посвящено снегу, снегу севера нашей страны:

Я с детства сроднился с его холодком,
Я брал его в руки,
Ел и ахал,
Знаком с его цветом и с хрустом знаком
Я с детства ходил по нему босиком —
О пятки отцовская билась рубаха...
...Я в этом снегу по колено бродил,
Гонял сохачей по весеннему насту...
Так здравствуй
С сиянием звезд на груди
Под ветром ползущий и вьющийся,
Здравствуй.

Вот уже первая конкретная черта еще неизвестного нам поэтического облика: Север, северный колорит. Но какой это север? Что берет в нем поэт? Не внешняя ли это экзотика? Но следующие стихотворения рассеивают это опасение. Это реальная и большая поэтическая тема. Север с его природой, нравами, обычаями и говором, с его боевым прошлым — хорошо известен

¹ Яшин — «Северянка», Гослитиздат 1938 г.

Яшину, и это определяет конкретность и выразительность его стихов о севере. Он знает и любит людей севера, и вот, когда он говорит о них, обнаруживается еще одна черта его творчества: несомненные эпические данные. Яшин умеет войти в чужой характер, рассказать о переживаниях героя его словами, его голосом. Вот, например, стихотворение «Мета», в котором речь идет о девушке, ожидающей милого (дроллю): В нем с большой тонкостью и мягкостью передается состояние оставшейся одинокой девушки, и закреплено оно при помощи очень удачно найденной конкретной концовки.

В море вышел дролецка,
В северное плавание,
На горё, на елочке
Памятку оставил мне, —

Зарастет, — сказал он мне, —
Не вернуть бывалого,
Не притти мне к гавани
И тебя не баловать.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я.
Сушая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я...
Дуют ветры свежие
А не видно дролецку.

Неужель подрезу я
Напрочь нашу елочку?

(Стр. 19—20)

Конечно, это еще только первые шаги в создании эпического образа; в некоторых стихотворениях Яшин дает лишь схему («Льнозавод», «Вдова»), но все же эпическая «хватка» у него несомненна. Влечение к реальной жизни, к живым людям Яшин хорошо выразил в стихотворении о художнике, мучающемся у незаконченной картины, которой не хватает жизни:

Еще бы каких-нибудь два мазка
Решающих,
Несколько солнечных линий, —
И рамка сосновая будет узка,
И стену дыхание неба раздвинет.

И только когда жизнь вторгается в его комнату, он находит то, что ему нужно:

...Ребята горланят у самых окон,
На берег выходит толпа девчат;
Передники в крапинках волчьих ягод.
Он хочет захлопнуть окно;
Закричать,

Что-б не мешали...
Но вот они рядом,
Они уже в комнате...
На полотне...
И вдруг озаряется вся картина.
...Нашел!
За палитру, за кисти!
Нашел!
И ничего, что распахнуты окна.

(Стр. 40)

Так постепенно, страница за страницей, проявляется в книге еще смутный, не вполне определившийся образ поэта, его любовь к северу, его прямая и открытая душа с простыми и большими чувствами, его глаза, внимательно оглядывающие жизнь, замечают и чужую боль и чужую радость. И читатель чувствует к нему доверие, он ждет от него новых и нужных слов о себе самом, о своей — общей с поэтом — жизни. Правда, пока еще не каждое слово Яшина доходит до читателя. У него еще много ошибок, неумелости. Не все стихотворения нужно было включать в книгу: сухой и схематический «Льнозавод», безвкусную, похожую на бенедиктовские стихи «Косу», слишком этнографическую «Вологду», слишком книжные «Песни» и другие. Много у Яшина и словесных промахов (напр. об умершем говорится):

Хозяин семьи лежит
И синее.

(Стр. 27)

Но задача критики состоит не в том, чтобы отыскивать и перечислять промахи поэта. И не в том, чтобы одно-сторонне выделять и подчеркивать его привлекательные черты. Критик должен говорить не просто о плохом, не просто о хорошем, — он должен говорить о главном. И это главное в том, что в «Северянке» обозначилась определенная творческая индивидуальность, со своим материалом, конечно, еще небольшим, со своей манерой, конечно, еще смутной.

И в этом смысле «Северянка» действительно Первая книга¹, после которой читатель начинает ждать второй и — это надо подчеркнуть — лучшей ей.

¹ Когда-то, несколько лет назад, в Архангельске, Яшин выпустил книжечку стихов, но она была настолько учебнической, что ее спокойно можно не принимать во внимание.